

ЯПОНИЯ И США В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Зимонин Вячеслав Петрович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии военных наук РФ и РАЕН, профессор Военного университета МО РФ и Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

E-mail: vp-zimonin@mail.ru

Аннотация. Когда речь идет о причинах, ходе и исходе Первой мировой войны, то, как правило (и это вполне естественно для европейцев), главный акцент делается на событиях в Европе и нередко забывается об огромном Азиатско-Тихоокеанском регионе и Американском континенте, где, несмотря на отсутствие крупномасштабных военных действий, также были сторонники передела мира.

23 августа 1914 г. в Первую мировую войну на стороне Антанты вступила Япония — молодое и быстро набравшее экономическую и военную мощь государство, что повлекло образование Азиатско-Тихоокеанского (Дальневосточного) театра войны, создавшего угрозу интересам и безопасности ряда стран, в том числе Китая и России. Еще не участвовавшие напрямую в той войне США и находившаяся вдали от её решающих фронтов Япония, смогли воспользоваться благоприятной ситуацией для приобретения новых территорий на Американском континенте и повышения геополитического статуса с претензией на ведущие позиции в мире. Это, с одной стороны, не могло не вызвать беспокойства со стороны других традиционных претендентов на лидирующую роль в мировых процессах, а с другой — на многие годы обострило межимпериалистические противоречия между США и Японией.

Революционные события в России и односторонний выход ее из числа участников Первой мировой войны существенным образом повлияли на внешнюю и внутреннюю политику бывших российских союзников по Антанте, в том числе Японии и вступивших в апреле 1917 г. в войну на стороне антигерманской коалиции США. Эти государства в одночасье превратились по отношению к России, внесшей огромный вклад в ослабление государств германского блока, из союзников в противников, а Советская Республика стала для них объектом масштабной интервенции.

Ключевые слова: Первая мировая война, АТР, Россия, Япония, США, экспансия, империализм, интервенция, колонизация.

V. P. Zimonin

Japan and the USA in the First World War: The Policy of Plunder and Expansion ‘Aside of’ the Main Theatre of the War

Viacheslav Zimonin, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Fellow of the Academy of Military Science and the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation and Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).

E-mail: vp-zimonin@mail.ru

Abstract. When it comes to the causes, course, and outcome of the World War I, as a rule (and this is quite natural for Europeans), the main emphasis is on the European theatre whereas the vast Asia-Pacific region and North America, where, despite the absence of large-scale hostilities, there were also supporters of the redistribution of the world, are often forgotten.

On August 23, 1914, the young state of Japan that was rapidly gaining economic and military power entered the First World War on the side of the Entente Cordiale. That led to the formation of the Pacific Ocean/Far East theatre of the First World War which threatened the interests and security of a number of countries, including China and Russia. Both the USA, not yet directly involved in the war, and Japan, which was far from its decisive fronts, were able to take advantage of a favourable situation for the acquisition of new territories on the American continent and increase the geopolitical status with a claim to leading positions in the world. This could not but, on the one hand, cause concern on the part of other traditional contenders for a leading role in the world, and, on the other hand, for many years exacerbate the inter-imperialist contradictions between the USA and Japan.

The revolutionary events in Russia, and its unilateral withdrawal from the First World War significantly influenced the foreign and domestic policies of the former Russian allies in the Entente, including Japan, which entered the war on the side of the anti-German coalition in April 1917. These states suddenly turned against Russia, which made a huge contribution to the weakening of the German bloc, and the Soviet Republic became the object of a large-scale intervention.

Keywords: World War I, Asia-Pacific region, Russia, Japan, USA, expansion, imperialism, intervention, colonization.

23 августа 1914 г. в Первую мировую войну на стороне Антанты вступила Япония — молодое и быстро набравшее экономическую и военную мощь государство, что повлекло образование Азиатско-Тихоокеанского (Дальневосточного) театра войны, создавшего угрозу интересам и безопасности ряда стран, в том числе Китая и России, вылившуюся в конце концов на излете Первой мировой войны в масштабную интервенцию в пределы Советской России армий бывших союзников по Антанте как раз во главе с Японией. «Япония, — отмечал в 1920 г. В. И. Ленин, уделявший большое внимание анализу места и роли Страны восходящего солнца в мировой политике, — выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая азиатский материк»¹.

Еще не участвовавшие напрямую в этой войне США и находившаяся вдали от её решающих фронтов Япония, смогли воспользоваться благоприятной ситуацией для приобретения новых территорий и повышения геополитического статуса с претензией на ведущие позиции в мире. Это, с одной стороны, не могло не вызвать беспокойство других традиционных претендентов на лидирующую роль в мировых процессах, а с другой — на многие годы обострило межимпериалистические противоречия между США и Японией. Империалистические круги США не оказали противодействия японской агрессии в Китае, однако американское правительство очень внимательно следило за действиями Японии, опасаясь, что она может помешать их «политике открытых дверей» в Китае, позволявшей американскому капиталу активно проникать в китайскую экономику.

И, что самое главное, Япония, воспользовавшись весьма благоприятными для себя итогами Первой мировой войны, спустя чуть более 10 лет новым вторжением в китайскую Маньчжурию первой из лагеря агрессоров начала разжигать очаги Второй мировой войны.

Революционные события в России и односторонний выход ее из числа участников Первой мировой войны существенным образом повлияли на внешнюю и внутреннюю

¹ Ленин В. И. II Конгресс Коммунистического интернационала. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 218.

политику бывших российских союзников по Антанте, в том числе Японии, и вступивших в апреле 1917 г. в войну на стороне антигерманской коалиции Соединенных Штатов Америки. Эти государства в одночасье превратились по отношению к России, которая внесла огромный вклад в ослабление государств германского блока и обеспечение в будущем победы над агрессорами, из союзников в противников, а Советская Республика стала для них страной-изгоем, идеологическим врагом. Указанное обстоятельство дополнительно объединило эти государства, взявшие на себя ответственность за уничтожение первого в мире социалистического государства.

Уже 17 ноября 1917 г. конференция стран Антанты в Париже потребовала «установить... действительный контроль над развитием русской внешней политики». Военные эксперты получили задание разработать планы непосредственного вторжения в Россию. В середине марта 1918 г. на Лондонской конференции премьер-министров и министров иностранных дел было принято решение о «союзной интервенции в Восточной России» с привлечением Японии. В конце мая в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке вспыхнул спровоцированный и поддержанный государствами Антанты контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса, который интервентами считался в качестве авангарда союзной армии.

План использования корпуса для борьбы против Советской власти был разработан союзниками на совещании в Яссах в ноябре 1917 г. Англичане ввели войска в Закавказье и Туркестан. Английские, французские и американские войска оккупировали Мурманский край, а затем Архангельск и другие города северных районов России. Войска этих стран и Японии вступили во Владивосток. На руку бывшим союзникам России действовали и немецкие войска, оккупировавшие значительную часть Украины, овладевшие Крымом, Ростовом-на-Дону и развивавшие наступление на Кавказ. С помощью интервентов оживились силы внутренней контрреволюции, активизировалась деятельность контрреволюционного подполья².

К концу 1918 г. Советская Россия оказалась в огненном кольце фронтов. Общая численность войск интервентов и белогвардейцев к этому времени составляла около 700 тыс. человек (в том числе более 150 тыс. человек — в Сибири и на Дальнем Востоке), а в Красной Армии было тогда около 300 тыс. человек. Под знаменем антисоветизма объединились все реакционные силы. В интервенции приняли участие крупнейшие капиталистические страны Европы, а также США и Япония. К лету 1918 г. в руках интервентов и белогвардейцев находились три четверти территории Страны Советов. Общая протяженность фронтов, окруживших ее тогда, доходила до 12 тыс. км³. Чтобы разорвать кольцо фронтов и защитить завоевания революции, Советское правительство перестроило жизнь страны в соответствии с требованиями войны, мобилизовало все свои силы и средства.

В борьбе против Республики Советов объединились две контрреволюционные силы — иностранные интервенты и российская белогвардейщина. Вопрос военной, вооруженной защиты завоеваний Октябрьской революции с лета 1918 г. и до конца 1922 г. был главным, коренным вопросом выживания Российского государства.

ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА И РОЛИ В МИРЕ ЯПОНИИ

Япония, внесшая, безусловно, более скромный вклад в победу над агрессивным блоком, чем другие державы Антанты, по итогам Первой мировой войны благодаря Версальской системе превратилась в «одну из трех сильнейших держав мира»⁴.

² Азовцев Н. Н. Вооруженная защита завоеваний Великого Октября. — *Revue Internationale d'Histoire Militaire*, 1979, № 44, p. 10, 12.

³ Там же, с. 10; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922), т. IV. М., 1978, с. 29.

⁴ История войны на Тихом океане. В 5-ти т. Т. II. Японо-китайская война. Перев. с яп. М., 1957, с. 7.

В 1918 г. она владела колониями площадью 0,3 млн кв. км с населением 21,3 млн человек, укрепила свои позиции в Китае и в центре Тихого океана⁵.

Превращение Японии в крупную колониальную державу изменило соотношение сил на Дальнем Востоке и привело к обострению противоречий между нею и другими великими державами. К 1918 г. Япония захватила у Китая острова Рюкю (1872 г.), Пескадорские острова и Тайвань (1895 г.), аннексировала Южный Сахалин (1905 г.), Корею (1910 г.), получила японские «сферы влияния» в Китае: Южная Маньчжурия (согласно русско-японской конвенции 1912 г.) и Шаньдун (согласно «21 требованию» и Версальскому договору), японские железные дороги в Маньчжурии, оккупировала Циндао во время Первой мировой войны. Однако после установления Вашингтонской системы 1922 г., которая представляла собой одно из звеньев Версальской системы, но одной из целей имела сковывание действий Японии, последняя с каждым днем все острее ощущала, что «старый порядок» мешает ее традиционным планам экспансии на континент, в первую очередь, развертыванию агрессии в Китае⁶.

Япония издавна считалась на Западе отсталым государством. И после Первой мировой войны, несмотря на рост валового национального продукта и полученные в годы войны финансовые прибыли, ее население по сравнению с другими империалистическими государствами-победителями в войне продолжало владеть жалкое существование. С одной стороны, за годы войны личные сбережения японцев выросли с 376 млн иен в 1913 г. до 2050 млн иен в 1919 г., или в 5,5 раза⁷, но с другой — вместе с быстрым развитием экономики, по словам генерала Н. Н. Головина, Япония вкусила и «резко подчеркнутые отрицательные стороны капитализма», в первую очередь — инфляцию и обострение социальных проблем⁸. Это было связано с тем, что еще более высокими темпами, чем личные сбережения, росла инфляция: если в 1914 г. внутренний долг государства составлял 341 млн иен, то к концу 1918 г. он вырос до 2045 млн иен, т.е. более чем в 6 раз. Выпуск денег и ценных бумаг Японским банком вырос с 87 млн до 716 млн иен. Быстрыми темпами поднимались цены на товары массового потребления, особенно на продовольствие и одежду. Если принять уровень стоимости товаров массового потребления в 1914 г. за 100, то к 1918 г. он вырос до 230 пунктов. 40-процентный, по некоторым подсчетам, рост доходов социальных низов в реальности был целиком поглощен инфляцией. Хотя индекс номинальной заработной платы в эти годы и поднялся до 157 пунктов, индекс реальной заработной платы снизился до 68 пунктов в 1918 г.⁹ Инфляция сильно ударила и по сельскому населению. Цены на продукты сельского хозяйства, закупаемые государством, были низкими, а стоимость удобрений, химикалий и инвентаря возрастала. Быстро росли налоги на трудящихся.

Повышение налогового бремени было связано с ростом расходов на милитаризацию, планами увеличения японской армии до 40 дивизий и строительства флота, «равного американскому»¹⁰. В выигрыше от военного бума остались, главным образом, имущие слои населения. В итоге Японию сотрясали массовые выступления протеста¹¹. Неудивительно, что эти годы, нередко вполне справедливо называемые частью

⁵ География милитаризма. М., 1984, с. 33.

⁶ История войны на Тихом океане, т. II, с. 7.

⁷ Павлов Д. Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014, с. 151.

⁸ Там же.

⁹ Японский милитаризм (военно-историческое исследование). Под ред. академика Е. М. Жукова. М., 1972, с. 79–80; Павлов Д. Б. Указ. соч., с. 151.

¹⁰ Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 80.

¹¹ Подробнее о них см.: Cordon A. The Crowd and Politics in Imperial Japan: Tokyo 1905–1918. — Past and Present. A Journal of Historical Studies. November 1988, v. 121, p. 141–170.

«золотого века японской дипломатии», обернулись, с точки зрения внутривнутриполитической ситуации, «эпохой народного гнева»¹².

Первая мировая война создала исключительно благоприятную ситуацию для реализации японских экспансионистских планов в отношении Китая. Война в Европе связала руки великим державам (Англии, Германии, России), вследствие чего Япония получила свободу действий на Дальнем Востоке, гораздо более выгодное положение по сравнению с ее реальным противником — США¹³.

За годы мировой войны Япония заметно упрочила свое международное положение, хотя противоречия с союзниками по Антанте зародились еще в ходе той войны. Она все делала для того, чтобы удержать и упрочить с легкостью полученные территориальные, материальные и политические дивиденды. В 1915 г., поставив свою подпись под Лондонской (1914 г.) декларацией Антанты, официальный Токио обеспечил себе полноценное участие в мирных переговорах по итогам войны. Следующими шагами к обретению империей микадо статуса великой мировой державы стало заключение ею договора с Россией в 1916 г. и с США в 1917 г.

Японско-русский договор был обоюдовыгодным, хотя и имел для стран-подписантов разный «вес», а поэтому и разновеликую ценность. Россия с его помощью решила ряд важных, но преимущественно тактических задач. В обмен на обещание компенсаций японской стороне (в основном в виде нереализованной продажи участка КВЖД) царская Россия фактически получила от Токио подтверждение своих исключительных интересов на севере Китая, дополнительные гарантии безопасности собственных дальневосточных территорий и не заключения Японией сепаратного мира с Германией. Сам факт заключения такого союза подразумевал продолжение японских военных поставок, жизненно важных для русской воюющей армии, и предоставления многомиллионных кредитов, необходимых России для размещения в Японии оборонных заказов.

Обстоятельства последнего рода имели ценность на время участия России в войне, однако оказались исчерпаны после выхода из нее в одностороннем порядке по решению Советского правительства осенью 1917 г. Последовавший затем отказ правительства от выполнения международных обязательств царского правительства лишил силы статьи союзного договора с Японией. К тому времени Япония продала России вооружений, оборонно-значимых материалов и товаров на сумму свыше 400 млн иен, Россия же вышла из войны с долгом этой стране в более чем 240 млн иен. При этом в 1915–1917 гг. в виде обеспечения долга союзным странам, включая Японию, на японских военных судах из России было вывезено золота в общей сложности на 286 млн руб., что составляло примерно пятую часть всего русского золотого запаса¹⁴.

Начало мировой войны и зависимость русской действующей армии от поставок извне должны были сделать (и сделали) Петроград более покладистым при решении дальневосточных проблем. Инициатором в деле сближения в сфере военных поставок выступила японская сторона. Стратегически установление с Россией союзных отношений было важно и для предотвращения вероятного, как казалось токийским аналитикам, появления в послевоенном мире потенциально опасного для японских интересов союза «белых» великих держав.

В 1914 г. — начале 1918 г. японо-русское взаимодействие развивалось в военной, военно-технической, политической, финансовой, торгово-промышленной и гуманитарной областях. Локомотивом и стержнем отношений Петрограда и Токио до 1917 г.

¹² Павлов Д. Б. Указ. соч., с. 151.

¹³ Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Китай — Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. — 30–40-е годы XX в.). М., 2001, с. 143.

¹⁴ Павлов Д. Б. Указ. соч., с. 149.

явились военные поставки Японии своему северо-западному соседу; по своим масштабам торговые операции такого рода были беспрецедентны. Любой сколько-нибудь важный русско-японский политический или фискальный документ военных лет в той или иной степени принимал в расчет продажу Японией русским армии и флоту стрелкового оружия, артиллерии, кораблей, боеприпасов, снаряжения, амуниции, военных материалов, медикаментов с четким указанием, как номенклатуры и сроков поставок, так и условий, и порядка их финансирования. За годы войны Япония продала и поставила российским армии, Военно-морскому флоту и военной промышленности в общей сложности не менее 820 тыс. винтовок и карабинов, несколько сотен миллионов патронов к ним, более 1100 орудий разных калибров с несколькими миллионами снарядов, сотни тысяч пудов пороха, тысячи тонн серы, камфары, латуни, меди, миллионы аршин военного сукна и обуви, другого интендантского, военно-технического и военно-санитарного имущества. Японские поставки винтовок и орудий, например, составили третью и пятую часть соответствующего вооружения, суммарно купленного и полученного Россией в годы войны из-за рубежа (около 2,5 млн винтовок и 5625 орудий). В отличие от других зарубежных поставщиков, японцы выполняли русские заказы в срок и с высоким качеством¹⁵. Все это вместе взятое позволило Японии создать весьма мощный собственный военно-промышленный комплекс.

Военные поставки в Россию дали серьезный толчок развитию промышленности Японии, заметно оздоровили ее экспортно-импортный баланс и общее финансово-экономическое состояние. Выступив крупнейшим покупателем японского оружия и военных материалов, Россия внесла этим важный вклад в экономический рост Японии, модернизацию ее хозяйства и военно-экономического потенциала.

Для Японии конвенции 1916–1917 гг. с Россией и США сыграли как тактическую, так и стратегическую роль, на ряд последующих лет обеспечив ей условия для проведения самостоятельной политики в Китае. Благодаря договорам 1916–1917 гг. она получила двойные гарантии своей безопасности одновременно с океанской и континентальной сторон и завершила серию договоренностей с Великобританией, Россией и США о признании своих «специальных интересов» в континентальной Азии, что в условиях слабости Китая развязывало ей руки для последующей экспансии на материке. Психологически Токио уже в конце 1916 г. был готов перейти к широко-масштабным действиям такого рода. «Существуют сторонники превращения Китая в протекторат или его раздела, — признавал тогда японский министр иностранных дел И. Мотоно, — но есть и такие, кто стоит на крайних позициях, — те считают, что следует использовать европейскую войну для овладения территорией [Китая]... Мы можем сделать это временно, но у [Японской] империи нет достаточных сил, чтобы удерживать ее очень долго»¹⁶.

Хотя в условиях мировой войны США и Великобритания не желали обострять отношения с Японией как союзницей, они, как и ранее, не собирались и уступать ей Китай. Это в Токио хорошо понимали и заблаговременно приступили к разработке планов по изменению баланса сил в Китае в свою пользу. Пришедшее к власти в октябре 1916 г. на смену правительству С. Окумы правительство генерала М. Тэраути было весьма озабочено тем, чтобы добиться признания великими державами японских захватов в Китае и на Тихом океане. Лучшим средством для достижения этого было, по мнению Тэраути, финансирование соперничавших военных клик в Китае и разжигание междоусобных столкновений. Войны между китайскими милитаристскими кликами позволяли выставить Японию в роли «умиротворителя». Правительство Тэраути предоставляло займы китайским милитаристам и их вассалам и получало взамен

¹⁵ Там же, с. 148–149.

¹⁶ Там же, с. 149–150.

концессии на железные дороги, право на эксплуатацию источников стратегического сырья¹⁷.

Несмотря на слабость своей экономической базы в первые годы войны, Япония успешно компенсировала этот недостаток военной силой. В. И. Ленин, который внимательно следил за развитием обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, указывал в 1916 г. на то, что в Японии монополия военной силы и особое удобство грабить Китай «отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»¹⁸.

Монополия военной силы в регионе уже обеспечила в результате войны против Китая в 1894—1895 гг. колонизацию Тайваня (Формозы), а по итогам войны с Россией 1904—1905 гг. — захват Кореи и Южного Сахалина, закрепление в Южной Маньчжурии, получение контрибуций в размере более 400 млн иен (в том числе 47 млн иен от России).

В самом начале Первой мировой войны Япония, объявив себя государством, воюющим на стороне Антанты, отобрала с опорой на военные мускулы германские концессии в китайской провинции Шаньдун и захватила принадлежавшие Германии Марианские, Каролинские и Маршалльские острова. В 1915 г. она предъявила Китаю «21 требование», принятие которых, даже в несколько смягченном виде, означало превращение этой страны в подвассальное государство. Это позволило Японии в течение четырех лет быть монополистом на рынке Китая и других экономически отсталых стран Тихого и Индийского океанов, что принесло японским дзайбацу огромные доходы.

Овладев богатой Шаньдунской провинцией и находившимися в ней германскими предприятиями, железными дорогами и другим имуществом, Япония стала превращать ее в плацдарм для дальнейшей агрессии в Китае. Немедленно правительство ассигновало 2 млн иен на исправление и дооборудование Шаньдунской железной дороги¹⁹. Линия Циндао — Цзинань через некоторое время была передана в руки мощной японской компании ЮМЖД. Военно-морское ведомство получило специальные средства для приведения в порядок порта Циндао.

Японский монополистический капитал стремился занять на Дальнем Востоке место Англии, Германии, США и других империалистических держав, до войны наводнявших дальневосточный рынок своими товарами, но в ее годы заметно сдавших свои позиции. В порты разных стран Дальнего Востока нахлынули представители японских фирм. Расширявшуюся внешнюю торговлю контролировали крупнейшие японские монополии. Например, концерн Мицуи возглавлял все японские торговые фирмы в Харбине.

Благоприятная обстановка сложилась также и для японского судоходства. Германская конкуренция отпала. Резко сократились пароходные линии и рейсы стран Антанты, особенно Англии. Японские пароходные линии протянулись во все части света. Правительство субсидировало одиннадцать линий: Кобэ — Буэнос-Айрес (через Шанхай, Сингапур, Коломбо и Кэйптаун), Ява — Бангкок, Шанхай — Кантон и т.п. Кроме того, было основано еще девять частных линий, не пользовавшихся прямыми правительственными субсидиями²⁰.

В результате войны японская промышленность стала получать множество заказов от стран Антанты. Особенно крупными были заказы России и Англии, а позже и США. Все это привело к быстрому росту ряда отраслей японской промышленности,

¹⁷ Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 76.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 174.

¹⁹ Вестник Азии, 1915, № 1(33), с. 141.

²⁰ Uyehara S. The Industry and Trade of Japan. London, 1936, p. 241.

капиталовложения в которую в годы войны значительно увеличились. Поскольку имевшиеся производственные мощности не могли обеспечить выполнения поступающих заказов, было произведено значительное расширение судостроительной промышленности: к концу войны число крупных верфей увеличилось с 6 до 57. Тоннаж спущенных на воду судов увеличился с 65 тыс. т в 1913 г. до 612 тыс. т в 1919 г.²¹ К концу войны японское судостроение заняло третье место в мире. В то же время еще больше усилилась зависимость этой отрасли промышленности от импортных материалов (проката, цветных металлов, энергоносителей и др.)²².

Поддавляющее большинство перевозок между Японией, Европой и Америкой производилось японскими пароходами. Вся торговля Японии в зоне Тихого океана также осуществлялась силами её флота. Тоннаж японского торгового флота вырос с 2,4 млн т в 1913 г. до 3,6 млн т в 1918 г. и составил 6,2% тоннажа мирового торгового флота²³.

Война вызвала особенно быстрый рост химической и машиностроительной промышленности. Резко повысился спрос на двигатели и оборудование для строящихся судов, на оборудование для прядельно-ткацкой промышленности, а также на оборудование для военной промышленности, выполнявшей заказы стран Антанты. В связи с усилением индустриализации и увеличением спроса на промышленные товары к концу войны они занимали свыше половины экспорта (до войны менее 30%). Объем внешней торговли Японии с 1914 по 1918 г. вырос почти в два с половиной раза²⁴.

За годы Первой мировой войны только в Южной Маньчжурии японцы довели добычу угля до 3 млн т, железной руды — до 177 тыс. т и выплавку чугуна на построенных там доменных печах — до 45 тыс. т. В Центральном Китае Япония в годы войны осуществляла полный контроль над Ханьпинской кампанией, во владении которой находились железоделательные и сталелитейные заводы, угольные копи, железные рудники и доменные печи годовой мощностью по выпуску чугуна 150 тыс. т, стали — 43 тыс. т, угля — 964 тыс. т, кокса — 240 тыс. т, железной руды — 542 тыс. т. За счет этого объем продукции японской промышленности вырос с 1914 по 1919 г. в четыре раза²⁵.

Особый интерес Токио проявлял к Маньчжурии, где японцы не только не хотели терять свои позиции, приобретенные после японо-русской войны, но и стремились укрепить своё влияние. В первую очередь они оказывали всяческую поддержку маньчжурскому диктатору маршалу Чжан Цзолиню, который добивался независимости от центральных китайских властей, тем самым подрывая единство, экономическую безопасность и обороноспособность Китая перед лицом растущих угроз внутри и извне. Безусловно, это было в интересах Японии, которая планировала, оторвав Маньчжурию от Китая и создав на ее территории подконтрольное себе и неподвластное центральному правительству марионеточное государство, закрепиться на материке. Эта цель носила стратегический характер. Маньчжурия рассматривалась и в качестве непосредственной цели, и в качестве плацдарма для последующей экспансии²⁶. Слабые в военном отношении Маньчжурия и соседняя Монголия могли стать для Японии объектами не только экономической экспансии, но и военной агрессии.

Советское руководство могло сделать только один вывод — на Дальнем Востоке назревает новый военный конфликт. Где, когда и в какой форме он произойдет, предстояло выяснить военной разведке. Несомненным было одно — Маньчжурии в тайных

²¹ Попов К. Экономика Японии. М., 1936, с. 35.

²² Uyehara S. Op. cit., p. 233.

²³ Ibid., p. 248.

²⁴ Попов К. Экономика Японии, с. 35.

²⁵ Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971, с. 109–110.

²⁶ Лота В. И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке. 1918–1945 гг. М., 2008, с. 70.

планах японского генерального штаба отводилась роль плацдарма, необходимого Японии для грядущего наступления в Китае, а в перспективе — и для войны против Советского Союза²⁷.

Февральскую революцию 1917 г. в России государственные и политические деятели Японии встретили относительно спокойно. Однако по мере того, как под влиянием Октябрьской революции повсеместно начался быстрый подъем революционного движения, в Токио стали проявлять нервозность. В правящих кругах начали разрабатывать планы «преграждения пути коммунистической революции». Реализация этих планов выдвигала специальные задачи перед армией и флотом. Японская военщина требовала резкого усиления вооруженных сил²⁸.

В то время у правительств западных держав, организовавших военную интервенцию против революционной России в ее европейской части, не было еще достаточно военных сил, особенно наземных войск, для осуществления интервенции на советском Дальнем Востоке. Такими силами обладала лишь Япония: ее Квантунская группировка войск в зоне ЮМЖД и на Ляодунском полуострове, ее гарнизоны в городах и портах Кореи могли стать первым и достаточно внушительным эшелоном для высадки во Владивостоке и других портах Приморья. И японское правительство решило воспользоваться этим преимуществом. Ему удалось склонить пекинское правительство Дуань Цижуя к заключению 25 марта 1918 г. японо-китайского соглашения «О военной кооперации», которое было дополнено военным соглашением от 16 мая 1918 г., морским соглашением от 19 мая 1918 г. и новым военным соглашением от 6 сентября 1918 г., которые имели явно антисоветский характер. Под предлогом предоставления проправительственными японскими банками Пекину «коммерческих займов» в Китай были направлены средства на снаряжение антисоветского экспедиционного корпуса²⁹.

На интервенцию правящие круги Японии толкало и острое внутривнутриполитическое положение. Мартовские стихийные революционные выступления 1918 г. («рисовые бунты») внутри страны, развернувшееся в корейской колонии Первомартовское (1919 г.) движение борцов от японского колониального гнета, падение производства в связи с первым послевоенным экономическим кризисом 1920—1921 гг. и резким сокращением заказов для военной промышленности, а также снижение объемов японского экспорта на рынки Азии после окончания войны в Европе и возвращения на азиатский рынок традиционных участников чрезвычайно осложнили обстановку.

Обострялась и классовая борьба в стране. Если в 1917 г. было зарегистрировано 108 забастовок рабочих, в которых участвовали 8413 человек, то в 1918 г. забастовок было 393, а число участников — 57 309 человек³⁰. Все это толкало японскую буржуазию на поиски выхода, который и был найден на пути ускорения военной интервенции на советский Дальний Восток. К тому же милитаристские круги открыто требовали «пойти на любые жертвы», только бы не опоздать к дележу территории России, к которому, по их мнению, приступили США, Англия и Франция, однако делать это рекомендовалось под прикрытием «коалиционной военной стратегии». При этом Япония не без основания рассчитывала занять ведущее место среди интервентов и постепенно отодвинуть своих союзников на второй план, не считаясь с неизбежным обострением японо-американских, японо-английских и японо-французских отношений.

²⁷ Там же, с. 117—118.

²⁸ Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 81.

²⁹ Сладковский М. И. Указ. соч., с. 112.

³⁰ Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 86.

Таким образом, взоры японских экспансионистов вновь обратились на Россию. Еще в 1907 г. решением генерального штаба первым вероятным противником была определена Россия, а вторым — США³¹. Это решение укрепилось после победы в России Октябрьской социалистической революции, оказавшей влияние на активизацию рабочего движения в Японии, расширение национально-освободительного движения в других странах Азии, что являлось серьезной преградой для осуществления замыслов Токио по созданию здесь широкой колониальной империи. Советская Россия, писал в 1918 г. японский исследователь И. Сэйдзиро, была объявлена империалистическими кругами Японии «самым опасным и злейшим врагом»; началась спешная разработка планов «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта»³².

Участие в интервенции правительство Японии рассчитывало использовать и для того, чтобы добиться официального признания союзниками по Первой мировой войне захвата германских арендованных территорий в Шаньдуне и колонизации Маршалловых, Марианских и Каролинских островов, что и произошло на Парижской мирной конференции 1919 г. Японское правительство не ошиблось в своих первичных расчетах: правительства США, Англии и Франции пошли на большие уступки, лишь бы заполучить японскую армию и флот в качестве ударной силы в интервенции против Советской Республики. Весной 1918 г. во Владивостоке высадились японские, американские, английские и французские войска. Япония сразу же оказалась в более выгодном стратегическом положении, поскольку ее собственная территория и ее колонии — Маньчжурия и Корея — находились вблизи Советской России. Во главе высадившихся интервенционистских войск сразу же встал японский генерал, который привез с собой хорошо слаженный штабной аппарат и тыловую службу. Японская военщина настойчиво шла к осуществлению своей цели, «осваивая» территории Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири при помощи огня и меча.

Четырехлетняя оккупация Приморья, оказание помощи вооруженным формированиям белогвардейцев и контрреволюционным бандам казачества на территории Забайкалья и Сибири, массовые грабежи и убийства советских граждан — одна из самых мрачных страниц в новейшей истории Японии. В то время на советской территории находились 11 японских пехотных дивизий (из 21 имевшейся тогда в японской армии) общей численностью около 175 тыс. человек, а на рейде Владивостока и в районе города — крупные боевые корабли и морская пехота. Помимо войск, осуществлявших операции совместно с воинскими частями других стран, Япония направила на советский Дальний Восток и в Сибирь соединения, действовавшие независимо от союзных войск и руководимые штабом Квантунской группировки войск в Порт-Артуре и генеральным штабом армии в Токио³³.

Советское правительство решительно боролось за скорейшее прекращение интервенции на Дальнем Востоке. В правительственном сообщении от 5 апреля 1918 г. говорилось: «Давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян. Буржуазная Япония выступает как смертельный враг Советской

³¹ Моримото Т. Зловещая история (Масё-но рэкиси). Токио, 1985, с. 220.

³² Сэйдзиро И. Истинное положение революции в России (Рококу какумэй дзицудзё). Токио, 1918, с. 82–83.

³³ Савин А. С., Носков А. М., Зимонин В. П. и др. Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985, с. 24.

Республики»³⁴. Уже в октябре 1918 г. численность японских войск на Дальнем Востоке достигла 70 тыс. человек, а за четыре года интервенции она достигла 175 тыс. и продолжала неуклонно увеличиваться. Характеризуя создавшееся положение, В. И. Ленин в августе 1918 г. писал: «Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли»³⁵.

Иностранную интервенцию на востоке Советской России, фактически возглавлявшуюся Японией, удалось ценой многочисленных жертв ликвидировать. 1920-е годы стали крайне непростым, и в то же время достаточно динамичным периодом в советско-японских отношениях. Падение правительства А. В. Колчака и распространение советской власти до Забайкалья в начале 1920 г. создало опасность непосредственного военного столкновения между Советской Россией и Японией. Стремление Москвы избежать прямого вооружённого конфликта с Токио обусловило образование по предложению В. И. Ленина провозглашенной 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики (ДВР) как буферного государства между Россией и Японией. Были приняты решительные меры по укреплению вооружённых сил этой республики, которые стали теснить интервенционистские войска.

Однако так называемый «николаевский инцидент», произошедший в марте 1920 г. в результате чрезмерно жестоких мер возглавлявшегося анархистом Я. Тряпицыным отряда красных партизан по отношению к гарнизону японских и белогвардейских войск занятого ими в сентябре 1918 г. Николаевска-на-Амуре, был использован Японией в качестве повода для активизации военных действий и оккупации значительной части российского Дальнего Востока. Более того, в качестве «акта возмездия» Япония в июне 1920 г. оккупировала и Северный Сахалин. О стремлении колонизировать весь Сахалин свидетельствовало то, что в северной его части все русские географические названия были немедленно заменены на японские, что вызывало сопротивление местного населения. В результате Гражданская война и иностранная интервенция там продолжались дольше, чем в других регионах страны³⁶.

Победа Октябрьской революции и установление советской власти на большей части территории России, осложнение для Японии международной обстановки, связанное с протестами Англии и США по поводу японского наступления на их позиции в Китае, подъем в колониальной Корее в 1919 г. мощного антиколониального «Первомартовского движения», а также растущее недовольство «сибирской интервенцией», ростом безработицы, дороговизны, колоссальным разрывом в доходах низших слоев населения и элиты и усилением интенсификации труда внутри самой Японии заставили Токио принять предложение российской стороны о начале переговоров о нормализации отношений. В августе 1921 г. — апреле 1922 г. в Чаньчуне между ДВР и правительством Японии велись интенсивные переговоры об эвакуации японских войск. В это время японская экспедиционная армия на Дальнем Востоке терпела одну военную неудачу за другой, участились факты разложения и дезертирства солдат и офицеров этой армии³⁷. Правительство страны было вынуждено принять решение об эвакуации основной массы японских войск с материковой части Дальнего Востока России к концу 1922 г., оставив кровавый след на теле своего российского соседа.

³⁴ Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 225.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 38.

³⁶ Шулатов Н. Советско-японские отношения в 1920-е годы: формирование подходов. — Актуальные вопросы современного японоведения, вып. XXVIII. М., 2014, с. 167; Архив внешней политики РФ, ф. 0146, оп. 2, п. 101, д. 3, л. 1—81.

³⁷ Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 86.

Японские завоеватели реализовывали свои планы в России методами террора и провокаций, проводили политику геноцида и выжженной земли, в результате которой в Забайкалье и на Дальнем Востоке было зверски уничтожено или согнано с обжитых мест около трети населения, экономике этого обширного района был нанесен колоссальный урон. Только золота японцы вывезли свыше 2730 пудов. Из 549 судов, числившихся в 1918 г. в составе российского торгового флота на Дальнем Востоке, к 1922 г. осталось лишь 301³⁸.

Несмотря на то, что главной целью интервенции было приобретение новых территорий и экономических привилегий, в ней впервые проявилось стремление добиться свержения на Дальнем Востоке и в Сибири власти Советов. В. И. Ленин писал в 1918 г., что «англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти»³⁹. Эту же мысль подчеркивают японские исследователи, которые считают, что задачей интервенционистских сил Японии было «самостоятельно захватить Сибирь, задушить революцию и установить на территории Сибири марионеточный режим»⁴⁰.

Еще в 1920 г. в Японии появилась книга одного из ведущих военных специалистов К. Сато, которая была переведена на русский язык и издана в нашей стране под названием «Япония и Америка в их взаимных отношениях». В этой работе содержался прогноз характера и исхода будущих столкновений за передел мира. «Географическая и историческая миссия Японии, — убеждал читателей К. Сато, — должна развиваться во что бы то ни стало на Азиатском материке. Если развитию Японии на континенте будут поставлены препятствия, то это будет смертельной угрозой самому ее существованию»⁴¹.

В Японии по аналогии с американской доктриной «Америка для американцев» («доктрина Морро») господствовал лозунг «Азия для азиатов»⁴². Понимая сложность достижения Японией своих целей, в качестве крайней меры К. Сато был «согласен» на полюбовный раздел мира: «Я предлагаю тройственный союз Англия — Америка — Япония. Америка должна не вмешиваться в дела Восточной Азии, а иметь суверенные права на американских континентах. Япония получает власть в Китае, в русских владениях на Дальнем Востоке, а Англия — в Европе и в Африке. Мир будет управляться тремя державами»⁴³. Сам К. Сато, однако, понимал утопичность этого замысла: каждый из названной тройцы мечтал о единоличном мировом господстве. Ни Англия, ни Америка не были намерены превращать Дальний Восток в японскую вотчину. Поэтому К. Сато и его единомышленникам пришлось отбросить мечты о «справедливом» разделе мира и заняться разработкой конкретных планов грядущей войны.

25 октября 1922 г. японские войска оставили Владивосток. В ходе интервенции, отмечается в 100-томном труде Научно-исследовательского института обороны Управления национальной обороны (ныне — Министерства обороны) Японии «Официальная история войны в великой Восточной Азии», «японские генералы на собственном опыте испытали мощь коммунистической России, проявлявшуюся

³⁸ См.: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985, с. 16–17.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 38.

⁴⁰ История войны на Тихом океане (Тайхэй сэнсо си), т. 1. Токио, 1972, с. 45.

⁴¹ Сато К. Япония и Америка в их взаимных отношениях: Мысли японца: Пер. с яп. М. — Пг., 1923, с. 16.

⁴² Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., 1990, с. 13–14.

⁴³ Сато К. Указ. соч., с. 129.

в объединении красных идей с военными действиями»⁴⁴. Однако уже в 1923 г. — на следующий год после ухода японских войск с континентальной части территории советского Дальнего Востока — японским военно-политическим руководством был принят документ «Курс на оборону», в котором противниками Японии были определены СССР, США и Китай. Специально разработанным планом войны против СССР предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии (именно в этом документе и именно с целью подготовки войны с Советским Союзом были предопределены агрессивные действия Японии против Маньчжурии в 1931 г. — В. З.), наступать на Приморскую область, Северный Сахалин (на острове до 15 мая 1925 г. продолжали оставаться интервенционистские войска Японии. — В. З.) и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»⁴⁵.

Вслед за вынужденным уходом японских войск с советского Приморья ДВР официально вошла в состав РСФСР. Япония встала перед необходимостью установления дипломатических отношений с Советской Россией. Неформальные контакты между представителями обеих стран по данному вопросу начались вскоре после окончания интервенции и активизировались с неофициальным визитом в Японию А. А. Иоффе в 1923 г., однако не привели к всеобъемлющему соглашению. Официальные же советско-японские переговоры начались в мае 1924 г. в Пекине и завершились подписанием 20 января 1925 г. советским полпредом в Китае Л. М. Караханом и японским посланником К. Ёсидзавой базовой конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией (также известной как «Пекинский договор»), что явилось успехом советской дипломатии⁴⁶. В ноябре 1924 г. Г. В. Чичерин писал Л. М. Карахану: «В теперешних выступлениях наших главных лидеров постоянно подчеркивается, что Восток столь же важен и даже важнее, чем Запад»⁴⁷.

Был организован чрезвычайно активный обмен телеграммами и донесениями между полпредствами в Пекине и Токио, консульством в Харбине, советскими представителями на КВЖД, а также официальными органами в Москве — НКВД и Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б). Дипломаты и ответственные работники обсуждали широкий спектр вопросов, касавшихся советской политики на Дальнем Востоке, ситуации в Маньчжурии, китайской революции, КВЖД, советско-японской торговли, политики Японии в Китае и т. д.⁴⁸

Подписанная в Пекине дипломатическими представителями СССР и Японии конвенция определяла основные принципы взаимоотношений между двумя государствами. Стороны провозгласили желание жить в мире и дружбе и обязались в своих отношениях исходить из принципа взаимного невмешательства во внутренние дела и воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг против друга. И Советский Союз, и Япония заявили, что ни одна из сторон не имеет с какой-либо третьей державой тайного договора или соглашения, угрожающего суверенитету или безопасности другой стороны. Это была бескорыстная со стороны СССР и взаимовыгодная договоренность. Одновременно в специальной советской декларации, приложенной к советско-японской конвенции, указывалось, что правительство

⁴⁴ Официальная история войны в великой Восточной Азии (Дайтоа сэно кокан сэн си). В 100 т. Т. 65, ч. 1. Секция сухопутных войск ставки (Дайхонэй рикугун бу). Токио, 1967, с. 290.

⁴⁵ Там же, с. 258–259.

⁴⁶ Шулатов Н. Указ. соч., с. 167.

⁴⁷ Чичерин — Карахану, 4 ноября 1924 г. — Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом. 1923–1926 гг. М., 2008, с. 360.

⁴⁸ Шулатов Н. Указ. соч., с. 169.

Советского Союза не разделяет «с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение» Портсмутского договора 1905 г., приведшего к утрате Южного Сахалина. Это было важное дополнение к конвенции, против которого Япония не нашла убедительных возражений⁴⁹.

Стабилизация советско-японских отношений, установление дипломатических и консульских отношений были, безусловно, выгодны и Японии. Хотя МИД и МВД страны достаточно осторожно относились к сотрудничеству с СССР, эта идея широко поддерживалась командованием японских ВМФ, крайне заинтересованным в разработке нефтяных концессий Северного Сахалина, выходцами из влиятельного клана Сацумы и рядом других влиятельных политических фигур, в первую очередь мэром Токио С. Гото, которые стояли в оппозиции к так называемой Вашингтонской системе международных отношений, сложившейся после Первой мировой войны, а также англо-саксонскому блоку, в первую очередь Великобритании. Деловые круги были также заинтересованы в развитии торгово-экономических связей с Россией. Помимо этого, как подчеркивал Т. Сакаи, установление отношений с Москвой было также необходимо Токио с точки зрения «защиты его интересов в Маньчжурии»⁵⁰. Очевидно, что часть японского политического истеблишмента рассчитывала на сотрудничество с СССР в противодействии китайскому национализму, учитывая заинтересованность советской стороны в защите прав на КВЖД⁵¹.

В результате советские дипломаты добились принятия Японией обязательства вывести свои войска с Северного Сахалина в 1925 г. Советская Россия добилась признания своих восточных границ со стороны самой влиятельной капиталистической державы региона Восточной Азии, фактически восстановив официальный статус-кво, существовавший до революции. Признание Японией Советской России стало знаменательным событием для советской дипломатии, позволившим ей выстраивать внешнеполитическую стратегию в регионе на принципиально ином уровне.

Итак, достигнуто в Пекине было много, но противоречия между двумя государствами остались. Прежде всего, они касались территориальных вопросов, справедливое решение которых было отложено до лучших времен. По крайней мере Япония в 1925 г. не собиралась возвращать СССР его территории, силой или хитростью ранее захваченные японцами. А у самого Советского Союза, на просторах которой только-только завершилась Гражданская война, и было наконец-то покончено с иностранной интервенцией, в 1925 г. не было реальной возможности убедить Японию возвратить Южный Сахалин и другие территории⁵².

«Япония уже потеряла доверие в глазах и русских царей, и лидеров большевиков, — считает автор ряда работ по истории российско-японских отношений и военной разведки В. И. Лота. — Дипломатическое доверие, о котором говорили участники переговоров при подписании советско-японской конвенции, ничего общего не имело с доверием историческим, создающим доверительные отношения между государствами и народами»⁵³. Несмотря на то, что японские интервенты были выдворены за пределы континентальной части советской территории в 1922 г., насажденная ими в годы оккупации агентура и через пять лет продолжала действовать, передавая в Токио сведения о советских воинских частях.

⁴⁹ Лота В. И. Указ. соч., с. 95.

⁵⁰ См.: Сакаи Т. Распад системы демократии Тайсё: внутренняя политика и дипломатия (Тайсё-дэ мокураси тайсэй-но хокай: найсэй-то гайко). Токио, 1992, с. 151–155.

⁵¹ Шулатов Н. Указ. соч., с. 170–171.

⁵² Лота В. И. Указ. соч., с. 95–96.

⁵³ Там же, с. 96.

Глубокое недовольство у японских властей в 1920-х годах вызвало то, что Советское правительство значительно укрепило свои внешнеполитические позиции в регионе по целому ряду ключевых направлений. Дальневосточная политика СССР в те годы отличалась исключительной активностью, что не вызывало восторга у Токио. Революционные события в Монголии привели к власти просоветские силы. В 1924 г. Москва подписала ряд соглашений в Китае, соответственно с центральным правительством в Пекине (май 1924 г.) и маньчжурскими властями в Мукдене (сентябрь 1924 г.). Таким образом, Советский Союз установил дипломатические отношения со всеми дальневосточными соседями и создал базу для защиты своих интересов в Северо-Восточном Китае. Помимо этого, СССР оказывал значительную поддержку национально-революционному движению в Китае, что стало к середине 1920-х годов одной из главных составляющих внешнеполитического курса СССР на Дальнем Востоке⁵⁴. Естественное, проходившее мирным путем усиление влияния СССР на Дальнем Востоке вызывало беспокойство у милитаристских кругов Японии, традиционно стремившихся к расширению японской экспансии на континент, что подвигло их к ускорению выработки военной доктрины агрессии.

Японская стратегия и планы в отношении северо-востока Китая представлялись первому советскому полпреду в Японии В. И. Коппу, который получил это назначение в апреле 1925 г., предельно ясными: «Их можно свести к формуле стратегического внедрения в Маньчжурии, направленного наперерез нашей железнодорожной смычке с Приморьем, при установлении прочного контакта с корейской железнодорожной сетью и корейскими портами». Касательно мукденского правительства советский полпред отмечал, что, хотя в Москве Чжан Цзолинь «привыкли считать простой игрушкой в руках Японии», на деле позиция китайского маршала была гораздо более сложной, а его политические цели заключались в укреплении «маньчжурской государственности, балансировании между японцами и нами при использовании для своих целей тех и других»⁵⁵. Чжан Цзолинь был заинтересован в строительстве японцами железнодорожной линии Таонань — Цицикар, которая должна была пересекать КВЖД и проходить вблизи советской границы, что вызвало протест со стороны российского руководства, считавшего, что данная ветка имеет преимущественно военное значение⁵⁶. В конце концов, многочисленные провокации на КВЖД местных властей не без поддержки со стороны Японии привели к крупному вооруженному конфликту между СССР и маньчжурским режимом в 1929 г.⁵⁷

Первая мировая война и относительно легкий захват германских владений в Китае и на Тихом океане, значительный рост экспорта японских товаров на рынки Азии позволили Японии значительно укрепить здесь свое положение. Этому способствовало также ослабление в связи с войной экономических позиций США, Англии, России и других капиталистических стран в азиатских странах, в частности на таких крупных рынках, как Китай и Индия.

Японская буржуазная пропаганда твердила о том, что «штурм Циндао и форпостов противника на Маршалловых, Марианских и Каролинских островах — самый ценный вклад в победу союзников», что «Шаньдун отвоеван для Китая, острова Тихого океана в руках Японии служат успешной борьбе против австро-германского флота»⁵⁸. Очевидно, однако, что Шаньдун был захвачен как плацдарм для борьбы за колониальное

⁵⁴ Шулатов Н. Указ. соч., с. 168.

⁵⁵ Там же, с. 173.

⁵⁶ Там же, с. 179.

⁵⁷ Подробнее об этом см.: Конфликт на КВЖД: из истории Советских Вооруженных сил. Отв. ред. В. П. Зимонин. Хабаровск, 1989.

⁵⁸ Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 76–77.

подчинение других провинций Северного и Центрального Китая, последовавших вскоре после агрессивных акций против Советского Союза, а Маршалловы, Марианские и Каролинские острова превращались в вооруженный форпост японского империализма для будущей военной экспансии в Азии и зоне Тихого океана.

Что касается США, то они так же, как и Япония, смогли воспользоваться отсутствием для них непосредственной угрозы со стороны главных виновников Первой мировой войны. Формально не участвуя вплоть до 6 апреля 1917 г. в войне, США умело использовали отвлечение сил союзников для прочного укрепления своих позиций в Латинской Америке. Под прикрытием лозунгов «доктрины Монро» («Америка для американцев»), стратегии «изоляционизма» от проблем, не связанных с Американским континентом, США стали прибирать к своим рукам богатые ресурсы Западного полушария, подрывая там позиции союзников — Англии и Франции, а заодно Германии и других стран. В 1914 г. американские войска заняли мексиканский город Вера-Крус, а спустя два года предприняли в Мексике широкую интервенцию. В 1916 г. США направили свой военный флот в Сан-Доминго, высадили в этой стране десант, разогнали республиканское правительство и установили американскую военную диктатуру. Такая же судьба постигла Гаити, правительство которого американские интервенты заставили подписать договор, превративший эту республику в протекторат США. Интервенции США подверглась и Куба, куда был послан крупный десант американских войск для подавления там революционного движения. Кроме того, США установили контроль над Никарагуа, Коста-Рикой и некоторыми другими странами. Наряду с прямым военным нажимом на страны Латинской Америки, США, используя блокаду и разрыв мировых торговых связей, прочно укрепились в экономике латиноамериканских стран. Подавляющее большинство государств Южной Америки, в том числе Аргентина, Бразилия, Уругвай, подпали под власть США. В 1918 г. Соединенные Штаты владели колониями площадью 1,85 млн кв. км с населением 10,5 млн человек⁵⁹. Уязвимыми районами Великобритании стали ее доминионы — Канада, Австралия, Новая Зеландия⁶⁰.

К весне 1917 г. США, добившись максимума от реализации «доктрины Монро» на Американском континенте, фактически отказались от изоляционизма и, не желая опоздать к дележу евразийского пирога, вступили 6 (19) апреля 1917 г. в Первую мировую войну, пытаясь постепенно перевести на себя роль основного экономического спонсора стран Антанты и мирового арбитра.

США выступили главным поставщиком военных материалов, продовольствия и сырья для воюющих европейских государств. Первая мировая война оказала самое существенное влияние на экономическое развитие страны. Благодаря многочисленным военным контрактам чистая прибыль американских корпораций выросла за период с 1914 г. до заключения Версальского договора в 2,5 раза. Если в 1913 г. экспорт составлял 2466 млн долл., то в 1919 г. — уже 7920 млн долл.⁶¹ Экспорт за 1914—1920 гг. составил 39,7 млрд долл., а сумма превышения экспорта над импортом — 18,6 млрд долл., или в 5,3 раза больше, чем за соответственный довоенный период⁶². Во второй половине 1920-х годов американская промышленность достигла 45% мирового промышленного производства. США производили промышленной продукции в конце

⁵⁹ География милитаризма, с. 33.

⁶⁰ История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 т., т. 1. М., 1973, с. 23.

⁶¹ Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М., 2014, с. 659.

⁶² Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956, с. 271.

1920-х годов на 10% больше, чем Великобритания, Франция, Германия, Италия и Япония, вместе взятые⁶³.

Первая попытка захватить руководящую политическую роль в мировых делах была предпринята США в 1919 г. при создании Лиги Наций. Однако даже личное участие в дискуссиях президента В. Вильсона не смогло в то время обеспечить преодоление решительного сопротивления этому со стороны ведущих европейских держав-победительниц, а находиться на вторых ролях в этой организации США не желали и пошли на демонстративный отказ от членства в ней⁶⁴.

Сделав упор на двусторонних отношениях, США приложили максимум усилий для подчинения американскому капиталу ряда появившихся по итогам Версальской конференции новых государств. Обосновывая этот курс в официальном меморандуме, американская делегация на Парижской мирной конференции 1919 г. связала его с необходимостью борьбы с влиянием коммунизма, назвав буржуазные правительства пограничных с Советской Россией стран «последним рубежом обороны между Германией, где продолжает расти влияние большевизма, и силами Ленина в России»⁶⁵.

Усилившись в годы Первой мировой войны и наращивая натиск своего капитала, США смогли добиться проведения Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., ревизовавшей на фоне терпевшей провал иностранной интервенции против Советской России ряд жестких решений в отношении Германии. Последнюю было решено пригласить к борьбе «со стойким в моральном отношении» большевистским государством. Плану правящих кругов США, Англии и Франции активно противодействовала советская дипломатия, большим успехом которой стало заключение в 1922 г. советско-германского договора в Раппало, ставшего на ряд лет основой отношений двух стран⁶⁶.

В среде американского руководства не было единой точки зрения на перспективы отношений с Японией, хотя в годы Первой мировой войны и даже в разгар первоначально совместно подготовленной интервенции в Советскую Россию преобладала отрицательная реакция на ее активность в Китае. Президент В. Вильсон лично делал все, что возможно для поощрения американского капитала в Китае, полагая, что такая политика поможет укреплению самого Китая. «Японское влияние в Китае, — писал он госсекретарю Р. Лансингу, — это то, с чем мы с вами не согласимся»⁶⁷.

Японская экспансия в Китай резко ухудшила японо-американские отношения. Хотя противоречия между двумя странами в этот период еще не проявлялись так остро, как японо-английские, однако они становились все более глубокими, ибо каждая из этих держав, разбогатев и усилившись в годы войны, стремилась к установлению своего монопольного господства в Китае. В марте 1915 г. во время японо-китайских переговоров в связи с «21 требованием» государственный секретарь США У. Брайан вручил японскому послу в Вашингтоне ноту с возражением против предоставления привилегий японцам в провинции Фуцзянь и приглашения японских советников в китайские центральные учреждения (IV и V группы «21 требования»). В то же время У. Брайан заявлял, что Америка не касается прав Японии в Южной Маньчжурии, Внутренней Монголии и Шаньдуне, так как эти области являются смежными с японской территорией⁶⁸.

⁶³ Новейшие изменения в экономике США. М. — Л., 1930, с. 132.

⁶⁴ История Второй мировой войны 1939–1945, т. 1, с. 11.

⁶⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference, v. II. Washington, 1942, p. 481–482.

⁶⁶ История Второй мировой войны 1939–1945, т. 1, с. 16.

⁶⁷ Внешняя политика Японии. История и современность, с. 53.

⁶⁸ Бедняк И. Я., Гальперин А. Л., Гришелева Л. Д. и др. Очерки новой истории Японии (1640–1917). Отв. ред. А. Л. Гальперин. М., 1958, с. 489–490.

В начале мая 1915 г. американское правительство предполагало направить Японии и Китаю совместное представление США, России, Англии и Франции с советом «не торопиться с переговорами и всемерно стараться привести их к миролюбивому окончанию». Когда «21 требование» было принято Юань Шикаем, правительство США, стремясь обеспечить себе свободу рук для окончательного решения вопроса при более благоприятной обстановке, в ноты правительствам Японии и Китая сообщило, что оно «не признает такого соглашения между Японией и Китаем, которое нарушило бы американские интересы или начала равных преимуществ»⁶⁹.

С конца 1915 г. усиливается проникновение американского капитала в китайскую экономику. Был создан Американо-китайский банк, заключены договоры о предоставлении займов Китаю, американцы получили концессии на постройку нескольких железных дорог, увеличилось число прямых пароходных рейсов между обеими странами и т.п. Существенно повысилась роль США во внешней торговле Китая, главным образом за счет вывоза из него сырья и полуфабрикатов. В 1916 г. правительство приняло программу значительного увеличения военного флота⁷⁰.

В апреле 1917 г. США вступили в войну на стороне Антанты и не в их интересах было обострять американо-японские противоречия. Японское правительство, стремившееся закрепить свои позиции в Китае, решило вступить с США в переговоры относительно признания своих особых прав в Китае.

В начале сентября 1917 г. в США во главе специальной делегации прибыл К. Исии с официальной миссией «поздравить американское правительство с решением вступить в войну». Однако там понимали истинный смысл визита японского дипломата. Поэтому при встрече с К. Исии президент В. Вильсон сразу же высказал величайшую заинтересованность в сохранении принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. В дальнейших переговорах с государственным секретарем Р. Лансингом К. Исии настаивал, однако, на признании особого положения Японии в Китае, подобно особому положению США в Центральной и Южной Америке.

2 (15) ноября 1917 г. между США и Японией было заключено соглашение «Лансинг–Исии». По этому соглашению США все же признали «особые интересы» Японии в Китае вследствие территориальной близости к нему, не указывая, однако, конкретно, какие именно районы Китая считаются территориально близкими к Японии. Это было сделано вопреки настояниям К. Исии упомянуть среди таких территорий Шаньдун. США хотели сохранить за собой право оспаривать японское господство в этой провинции. Они не хотели сужать свою сферу влияния в Китае и расширять японскую. В то же время по настоянию США оба правительства заявили о сохранении принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. По своему существу соглашение было противоречиво и дало впоследствии повод обеим странам толковать его по-своему. Соглашение, касавшееся Китая и заключенное без его ведома, вызвало возмущение китайской общественности⁷¹.

Эта сделка двух империалистических хищников имела и другую сторону. Явившись временным компромиссом между США и Японией, соглашение «Лансинг — Исии» способствовало в дальнейшем осуществлению совместных действий против дальневосточных районов России, в которой в это время назревала социалистическая революция.

В то же время Р. Лансинг не считал важным охрану суверенитета и целостности Китая от атак Японии. Он полагал необходимым защищать американскую собственность в этой стране, но допускал вполне возможным сделку с Японией. Правда, заключить такую сделку, по его мнению, было бы предпочтительнее после окончания

⁶⁹ Там же, с. 490.

⁷⁰ Архив полковника Хауза. В 2-х т., т. II. М., 1937, с. 241.

⁷¹ Бедняк И. Я., Гальперин А. Л., Гришелева Л. Д. и др. Указ. соч., с. 494.

войны⁷². Совокупность всех перечисленных обстоятельств побуждала руководство США уходить от обещаний поддержать японские претензии на германское наследство на Дальнем Востоке.

Соглашение «Лансинг — Исии» дало Японии признание со стороны США ее «специальных интересов в Китае, в частности, в той части, с которой граничат ее владения». Это соглашение удовлетворило Японию, фактически уже не участвовавшую в кампаниях мировой войны, и рассматривалось ею как большой успех собственной дипломатии. Но сделанная правительством США в этом вопросе уступка Японии, констатировал А. А. Трояновский, не привела к созданию настоящей дружественной атмосферы в отношениях между этими странами, так как соглашение было подписано под влиянием обстановки войны и вызвано желанием США удержать Японию в лагере «союзников»⁷³.

Не вызывает сомнений, что США пошли на подписание соглашения «Лансинг — Исии», понимая очевидную разность толкования его содержания сторонами. Администрация США оправдывала этот шаг в Конгрессе тем, что она якобы исходила из того, что «специальные интересы» Японии в Китае предполагают лишь экономические интересы, вытекающие из ее географической близости. К. Исии же считал, что этими словами охватываются также и политические интересы, с чем, по его мнению, были согласны, идя на подписание соглашения, и США⁷⁴.

Впоследствии К. Исии откровенно изложил понимание его страной собственных интересов в Китае: «Что касается Японии, то количество ее подданных в Китае далеко превосходило все другие страны, а ее капиталовложения были на втором месте после Великобритании. Но нет необходимости сравнивать цифры резидентов и капиталовложений, чтобы увидеть, что у Японии были и специальные интересы в Китае. Историческое прошлое Японии, в особенности японо-китайская война, тройственное вмешательство и, наконец, русско-японская война, во время которой Япония, чтобы изгнать Россию из Маньчжурии, поставила на карту свое национальное существование, ясно показывают, каковы были эти интересы»⁷⁵. Однако К. Исии не преминул обратиться и к тезису о географической близости Японии к Китаю, хотя и основывался при этом на близости к нему именно захваченных ранее колониальных владений: «Не надо даже обращаться к истории, чтобы доказать, что Япония имеет основания требовать специальных прав в Китае. Перед нами факты географии — узкая полоса воды, отделяющая Формозу от провинции Фуцзянь, и общая граница длиной в 200 миль в Корее. Нет необходимости вдаваться во все эти подробности. Всему миру хорошо известно, что Япония так же связана с Китаем, как зубы с губами, как колесо с осью»⁷⁶.

Состоявшиеся в годы войны соглашения США и стран Антанты с Японией достигались за спиной Китая и являлись не чем иным, как сделками за счет китайского народа. Они свидетельствовали о том, что после окончания войны мировые державы готовились продолжить борьбу за раздел этой страны, всячески препятствовать достижению ею независимости и национального возрождения. Следует отметить, что японские притязания на «специальные интересы» в Китае и, более того, в зоне Тихого океана были по сути признаны разработчиками Версальского мирного договора, закреплявшего предварительные итоги Первой мировой войны. Японские притязания в Китае на Шаньдун, например, были зафиксированы в мирном договоре, что привело к тому, что Китай отказался подписать этот договор. Эти же притязания

⁷² Внешняя политика Японии. История и современность, с. 53.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942, с. 99—100, 103; Внешняя политика Японии. История и современность, с. 54.

⁷⁵ Исии К. Дипломатические комментарии, с. 100.

⁷⁶ Там же.

в значительной мере способствовали не утверждению Версальского договора сенатом США, хотя они и подписали его⁷⁷, но затем добились его фактического пересмотра.

Однако в отличие от Японии, «специальные интересы» которой, формально касаясь напрямую Китая, безусловно распространялись на обширный Азиатско-Тихоокеанский регион, но не выходили все же в те годы за его пределы, «интересы» США и ряда других великих держав простирались и на другие регионы мира. И если экономическое соперничество, являющееся неотъемлемой чертой капиталистического способа хозяйствования, могло достаточно долгое время вестись относительно мирными средствами, то политико-военное противостояние в интересах передела мира не могло не балансировать на грани войны. Борьба за передел мира требовала мобилизации всей совокупной государственной силы, прежде всего, военной.

Ситуация в Европе, где уже обострялись и назревали новые противоречия, в первую очередь между потерпевшей жестокое поражение в Первой мировой войне Германией и европейскими державами, все же меньше волновала Вашингтон, чем возмущавшая японская угроза американским интересам в АТР. И США решили инициировать, а, по сути, возглавить группу стран, также ощущавших растущую угрозу со стороны Японии, с главной целью ограничить амбиции Страны восходящего солнца.

6 февраля 1922 г. представители США, Англии, Франции, Италии, Японии, Бельгии, Португалии, Голландии и Китая подписали в Вашингтоне договор держав, который, по существу, означал фактическую ликвидацию преимущественных позиций, завоеванных Японией в годы Первой мировой войны и по «21 требованию» 1915 г. Подписанты обязались уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая. Участники Вашингтонской конференции обещали уважать право Китая как нейтрального государства в случае войны, в которой он не принимает участия. Главным достижением было установление принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» для торговли и промышленности всех «дружественных» наций на китайской территории, что стало серьезным ударом по японской внешней политике в отношении Китая. Япония обязалась вернуть Китаю Цзяочжоу (Циндао) и железную дорогу Циндао — Цзинань. Англия также обязалась возвратить Китаю Вэйхайвей⁷⁸.

В тот же день, 6 февраля, был подписан договор пяти держав (США, Англии, Японии, Франции и Италии) об ограничении морских вооружений и установлении пропорции для общего тоннажа линейных кораблей этих держав — 5:5:3:1,75:1,75, а авианосцев — как 5:5:3:2,22:2,22⁷⁹. Договор также предусматривал, что США не будут укреплять и не будут строить военно-морские базы восточнее 110-го меридиана Восточной долготы, исключая побережье США, Аляски, зоны Панамского канала, Гавайских островов, где сооружение военно-морских баз не ограничивалось; Англии запрещалось строить военно-морские базы восточнее 110-го меридиана Восточной долготы, за исключением побережья Канады, Австралии, Новой Зеландии; Японии — на островах Курильских, Бонинских, Амами-Осима, Рюкю, Пескадорских и на Формозе⁸⁰.

Однако фактически ни одна из сторон не собиралась придерживаться достигнутой договоренности, и, в первую очередь, Япония, военными и военно-морскими кругами которой условия договоров девяти и пяти держав были встречены с нескрываемым раздражением. Результаты конференции в Вашингтоне сказались на затянувшемся

⁷⁷ Там же, с. XXIV; Всеобщая история. М., 2004, с. 472.

⁷⁸ Лота В. И. Указ. соч., с. 68.

⁷⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т., т. 2, с. 13, 39; Японский милитаризм (военно-историческое исследование), с. 96.

⁸⁰ Вартанов В. Н., Гельфонд Г. М., Зимонин В. П., Усиков А. В. Битва за океан (Действия флотов на Тихом океане во Второй мировой войне). В 3-х кн., кн. 1. Вологда, 1997, с. 46–47.

политическом кризисе в стране. На волне этого кризиса к власти один за другим пришли военно-морские реакционные деятели — адмиралы Т. Като и Г. Ямамото, которые считали главной задачей своих правительств направить в нужное русло последствия Вашингтонской конференции⁸¹.

Неизбежность военного столкновения из-за Китая сознавали как японцы, так и европейцы и американцы. В Вашингтоне понимали, что Япония не откажется без боя от богатств этой крупнейшей азиатской страны, изобиловавшей не только природными ресурсами, но и дешевой рабочей силой. Попытки Японии расширить свое влияние в регионе американцев не устраивали. В США разогревались антияпонские настроения. Метод проверенный и используемый обычно в случаях, когда в правительстве уже созрели планы принятия каких-либо серьезных экономических или военных акций. Антияпонская шумиха в прессе свою роль выполнила. В апреле 1924 г. американский сенат принял закон о запрещении въезда на территорию США японских эмигрантов⁸². Это был удар по престижу Японии и откровенное предупреждение, за которым могли последовать более серьезные политические или другие меры.

Расширение влияния японцев в Китае создавало препятствие на пути продвижения американских политических и экономических интересов в этой стране. Противоречия между Японией и США продолжали обостряться.

В том же 1924 г. в США был утвержден план военных действий против Японии, получивший название «Оранжевый план». В его основу была положена стратегическая идея обладания превосходством военно-морского флота США над японскими силами в западной части Тихого океана и создания на Филиппинах плацдарма для нанесения удара по Японии⁸³. На эти цели выделялись значительные ассигнования из американского федерального бюджета. По официальным данным, ежегодные расходы военного министерства США за первые три послевоенных года в среднем превосходили довоенный уровень более чем в 19 раз⁸⁴.

* * *

Таким образом, Япония и США, и без того имевшие отнюдь не безупречную историю становления и развития своей государственности, смогли воспользоваться благоприятной для них ситуацией, связанной с отвлечением других мировых держав на реализацию ценой огромных жертв их интересов в годы Первой мировой войны в основном в Европе, для расширения на основе стратегии «разделяй и властвуй» сфер своего влияния в Азии, на Американском континенте и в зоне Тихого океана. Те зыбкие договоренности о разделе сфер влияния, которые были достигнуты между США и Японией, особенно в том, что касалось влияния в переживавшем сложные времена Китае, свидетельствовали лишь о том, что почувствовавшие вкус наживы за чужой счет эти крупные мировые державы готовились продолжить борьбу за раздел этой и других стран обширного Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно здесь и именно с этими целями и были разожжены первые очаги Второй мировой войны.

Библиография

Азовцев Н. Н. Вооруженная защита завоеваний Великого Октября. — *Revue Internationale d'Histoire Militaire*, 1979, № 44.

Архив внешней политики РФ, ф. 0146, оп. 2, п. 101, д. 3.

⁸¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, т. 2, с. 39.

⁸² *Лота В. И.* Указ. соч., с. 69.

⁸³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, т. 2, с. 39.

⁸⁴ История Второй мировой войны 1939–1945, т. 1, с. 27.

- Архив полковника Хауза, в 2- т., т. II. М., 1937.
- Бедняк И. Я., Гальперин А. Л., Гришелева Л. Д. и др. Очерки новой истории Японии (1640—1917). Отв. ред. А. Л. Гальперин. М., 1958.
- Вартанов В. Н., Гельфонд Г. М., Зимонин В. П., Усиков А. В. Битва за океан (действия флотов на Тихом океане во Второй мировой войне), в 3-х кн., кн. 1. Вологда, 1997.
- Великая Отечественная война 1941—1945 годов, в 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2015.
- Вестник Азии, 1915, № 1(33).
- Всеобщая история. М., 2004.
- География милитаризма. М., 1984.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922), т. IV. М., 1978.
- Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957.
- Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М., 2014.
- Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932—1945. М., 1990.
- Исии К. Дипломатические комментарии. Ред. и предисл. А. А. Трояновского. М., 1942.
- История войны на Тихом океане (Тайхэй сэнсо си), т. 1. Токио, 1972.
- История войны на Тихом океане, в 5-ти т. Т. II. Японо-китайская война. М., 1957.
- История Второй мировой войны 1939—1945, в 12-ти т., т. 1. М., 1973.
- Каткова З. Д., Чудодеев Ю. В. Китай — Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. — 30—40-е годы XX в.). М., 2001.
- Конфликт на КВЖД: из истории Советских Вооруженных сил. Отв. ред. В. П. Зимонин. Хабаровск, 1989.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 30, 37, 39, 52.
- Лота В. И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке. 1918—1945 гг. М., 2008.
- Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.
- Моримото Т. Зловещая история (Масё-но рэкиси). Токио, 1985.
- Новейшие изменения в экономике США. М. — Л., 1930.
- Официальная история войны в великой Восточной Азии (Дайтоа сэнсо кокан сэн си), в 100 т. Т. 65. Ч. 1. Секция сухопутных войск ставки (Дайхонэй рикугун бу). Токио, 1967.
- Павлов Д. Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.
- Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом. 1923—1926 гг. М., 2008.
- Попов К. Экономика Японии. М., 1936.
- Савин А. С., Носков А. М., Зимонин В. П. и др. Вооруженные силы Японии: история и современность. М., 1985.
- Сакаи Т. Распад системы демократии Тайсё: внутренняя политика и дипломатия (Тайсё-дэ мокуриси тайсэй-но хокай: найсэй-то гайко). Токио, 1992.
- Сато К. Япония и Америка в их взаимных отношениях. Мысли японца. М. — Пг., 1923.
- Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971.
- Сэйдзиро И. Истинное положение революции в России (Рококу какумэй дзицудзё). Токио, 1918.
- Черчилль У. Мировой кризис. М. — Л., 1932.
- Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956.
- Шулатов Н. Советско-японские отношения в 1920-е годы: формирование подходов. — Актуальные вопросы современного японоведения, вып. XXVIII. М., 2014.
- Японский милитаризм (военно-историческое исследование). Под ред. академика Е. М. Жукова. М., 1972.
- Cordon A. The Crowd and Politics in Imperial Japan: Tokyo 1905—1918. — Past and Present. A Journal of Historical Studies. November 1988, v. 121, p. 141—170.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference, v. II. Washington, 1942, p. 481—482.
- Uyehara S. The Industry and Trade of Japan. London, 1936.

References

- Arkhip polkovnika Khauza, v 2 t., t. II. Moskva, 1937.
- Arkhip vneshnei politiki RF, f. 0146, op. 2, p. 101, d. 3.
- Azovtsev N. N. Vooruzhennaiia zashchita zavoevanii Velikogo Oktiabria. — *Revue Internationale d'Histoire Militaire*, 1979, № 44.
- Bedniak I. Ia., Gal'perin A. L., Griseleva L. D. i dr. Ocherki novoi istorii Iaponii (1640—1917). Otv. red. A. L. Gal'perin. Moskva, 1958.
- Cherchill' U. Mirovoi krizis. Moskva — Leningrad, 1932.
- Cordon A. The Crowd and Politics in Imperial Japan. Tokyo 1905 — 1918. Past and Present. — *A Journal of historical Studies*, November 1988, v. 121.
- Direktivy komandovaniia frontov Krasnoi Armii (1917 — 1922), t. IV. Moskva, 1978.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR, t. 1. Moskva, 1957.
- Evropa i Rossiia v ogne Pervoi mirovoi voyny. K 100-letiiu nachala voyny. Moskva, 2014.
- Geografiia militarizma. Moskva, 1984.
- Iaponskii militarizm (voenno-istoricheskoe issledovanie). Pod red. akademika E. M. Zhukova. Moskva, 1972.
- Isii K. Diplomaticheskie kommentarii. Per. s angl. Red. i predisl. A. A. Troianovskogo. Moskva, 1942.
- Istoriia voyny na Tikhom okeane, t. 1. Tokio, 1972.
- Istoriia voyny na Tikhom okeane, v 5 t. T. II. Iapono-kitaiskaia voina. Moskva, 1957.
- Istoriia Vtoroi mirovoi voyny 1939—1945, v 12 t. T. 1. Moskva, 1973.
- Katkova Z. D., Chudodeev Iu. V. Kitai — Iaponiia: liubov' ili nenavist'? K probleme evoliutsii sotsial'no-psikhologicheskikh i politicheskikh stereotipov vzaimovospriiatiia (VII v. n.e. — 30—40-e gody KhKh v.). Moskva, 2001.
- Konflikt na KVZhD: Iz istorii sovetskikh Vooruzhennykh sil. Otv. red. V. P. Zimonin. Khabarovsk, 1989.
- Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii, t. 30, 37, 39, 52.
- Lota V. I. Za gran'iu vozmozhnogo: Voennaia razvedka Rossii na Dal'nem Vostoке. 1918—1945 gg. Moskva, 2008.
- Militaristy na skam'e podsudimyykh: Po materialam Tokiiskogo i Khabarovskogo protsessov. Moskva, 1985.
- Morimoto T. Zloveshchaia istoriia. Tokio, 1985.
- Noveishie izmeneniia v ekonomike SShA. Moskva — Leningrad, 1930.
- Ofitsial'naia istoriia voyny v velikoi Vostochnoi Azii, v 100 t. T. 65. Ch. 1. Sektsiia sukhoputnykh voisk stavki. Tokio, 1967.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference, v. II. Washington, 1942.
- Pavlov D. B. Russko-iaponskie otnosheniia v gody Pervoi mirovoi voyny. Moskva, 2014.
- Perepiska I. V. Stalina i G. V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L. M. Karakhanom. 1923—1926 gg. Moskva, 2008.
- Popov K. Ekonomika Iaponii. Moskva, 1936.
- Sakai T. Raspad sistemy demokratiia Taise: vnutrenniaia politika i diplomatiia. Tokio, 1992.
- Sato K. Iaponiia i Amerika v ikh vzaimnykh otnosheniakh: Mysli iapontsa. Moskva — Petrograd, 1923.
- Savin A. S., Noskov A. M., Zimonin V. P. i dr. Vooruzhennye sily Iaponii: Istoriia i sovremennost'. Moskva, 1985.
- Seidziro I. Istinnoe polozhenie revoliutsii v Rossii. Tokio, 1918.
- Shigalin G. I. Voennaia ekonomika v Pervuiu mirovuiu voinu. Moskva, 1956.
- Shulatov N. Sovetsko-iaponskie otnosheniia v 1920-e gody: formirovanie podkhodov. — Aktual'nye voprosy sovremennogo iaponovedeniia, vyp. XXVIII. Moskva, 2014.
- Sladkovskii M. I. Kitai i Iaponiia. Moskva, 1971.
- Uyehara S. The Industry and Trade of Japan. London, 1936.
- Vartanov V. N., Gel'fond G. M., Zimonin V. P., Usikov A. V. Bitva za okean (Deistviia flotov na Tikhom okeane vo Vtoroi mirovoi voine), v 3-kh kn., kn. 1. Vologda, 1997.
- Velikaia Otechestvennaia voina 1941—1945 godov, v 12 t. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo voyny. Moskva, 2015.
- Vestnik Azii, 1915, № 1(33).
- Vseobshchaia istoriia. Moskva, 2004.
- Zakharova G. F. Politika Iaponii v Man'chzhurii. 1932—1945. Moskva, 1990.